

Ойген Финк, верный ученик Эдмунда Гуссерля

АННА ЯМПОЛЬСКАЯ

ИНТЕРЕС «Элементов» отчасти состоит в том, что он разрушает мифический образ Финка — «твердого гуссерлевца», который либо аутентично излагает мысли учителя («юный Прохор при Иоанне Богослове»), либо подхватывает, продолжает и развивает наиболее важные интуиции своего великого учителя («Сталин при Ленине»). В «Элементах» — непричесанном, непоследовательном, не предназначенном для чужих глаз тексте — перед нами появляется совершенно другой образ последнего ассистента Гуссерля, который сыт по горло скучным гуссерлевским позитивизмом, внутренне мечется между Хайдеггером и Гегелем и мечтает о новой *metaphysica generalis*. «Изменщик!» — восклицали некоторые горячие головы во время семинара. «Змея, которую бедный старенький Гуссерль пригрел у себя на груди!» Нет, однако, никаких сомнений в том, что Финк был безупречно верен Гуссерлю в человеческом плане, но был ли он действительно его «верным учеником»? И что вообще значит «верность учителю» в философии? Это вопросы, которыми в той или иной степени задается каждый философ, и обдумать их стоит и безотносительно к Финку и Гуссерлю.

Прежде всего отметим, что давно уже не является общепринятым представление о Финке, который лишь транслирует позицию Гуссерля. Хотя сам Гуссерль немало сделал для того, чтобы укрепить этот миф: достаточно вспомнить его предисловие к статье в *Kant-Studien*, «авторизирующее» эту работу Финка¹. В принадлежности Финка к гуссерлианской ортодоксии многие сомневались уже в тридцатые годы, но в ответ на яростную реплику Эдит Штайн на феноменологической конференции в Жювизи² Гуссерль счел сво-

1. «Тут нет ни единого утверждения, под которым я не мог бы подписаться» (*Fink E. Studien zur Phänomenologie...* S. vi–vii).

2. *La Phénoménologie. Journées d'Etudes de la Société Thomiste. Juvisy: Cerf, 1932. P. 103.*

им долгом выступить в защиту любимого ученика: в письме отцу Даниэлю Фэйлингу от 30 марта 1933 года Гуссерль пишет, что Финк был лишь академическим, а не философским учеником Хайдеггера, что он отнюдь не гегельянец и что все, что Финк говорит, «совершенно аутентично»³. Сегодня наиболее распространенной является точка зрения Рональда Брузины, который описывает взаимодействие между Гуссерлем и Финком в тридцатые годы как подлинно философское сотрудничество⁴. Сам Гуссерль толковал свои отношения с Финком именно в этих терминах⁵, а «Шестая картезианская медитация» планировалась им как их совместная публикация. Однако подготовка текста к печати не была доведена до конца, и не только в силу эмпирических (политических и иных) причин. Между Гуссерлем и Финком возникли определенные философские разногласия, сделавшие завершение невозможным.

Идеализированный образ Финка, аутентично «развивающего» учение Гуссерля, получил исключительное распространение во Франции. Сразу после войны отец Герман Ван Бреда считает своим долгом предупредить Мерло-Понти, что тот «подпал под влияние»⁶ автора, который подверг сомнению «самые ос-

3. *Husserl E. Briefwechsel...* S. 89.

4. См., например, предисловие переводчика к английскому переводу «Шестой картезианской медитации», где он пишет, что гуссерлевская феноменология в 1930-е годы — «это не просто Гуссерль, это Гуссерль и Финк» (*Bruzina R. Translator's introduction // Fink E. Sixth Cartesian Meditation. Bloomington & Indianapolis: Indiana UP. 1995. P. xxviii*).

5. См. известное письмо Гуссерля к Финку от 21 июля 1934 года: «Вы для меня не ассистент, не секретарь... Вы мой сотрудник [*Mitarbeiter*], и к тому же [Вы] мой семинар, моя преподавательская деятельность» (*Husserl E. Briefwechsel...* S. 93). Подробнее см.: *Bruzina R. Edmund Husserl and Eugen Fink: Beginnings and Ends in Phenomenology, 1928–1938. New Haven: Yale UP, 2004. P. 40–54*.

6. Мерло-Понти познакомился с Финком во время своей поездки в Лёвен в апреле 1939 года (он хотел написать статью в специальный номер *Recherches Philosophiques*, посвященный Гуссерлю, однако война помешала выходу номера). Ван Бреда вспоминает, что тогда Мерло-Понти и Финк имели долгий и важный разговор, при котором ему пришлось играть роль переводчика (*Van Breda H. L. Merleau-Ponty et Louvain // Revue de Métaphysique et de Morale. 1962. № 67. P. 413*). В 1942 году Гастон Берже передал Мерло-Понти имевшийся у него экземпляр «Шестой медитации», который вызвал у Мерло-Понти значительный интерес «к остальным черновикам» (письмо Мерло-Понти от 01.10.1942, *ibid.* P. 421). Даже в 1962 году Ван Бреда считает нужным подчеркнуть, что эта рукопись не только не принадлежит перу самого Гуссерля, но и содержит суровую критику гуссерлевской феноменологии и что не правы те молодые исследователи, которые видят в ней выражение мысли самого Гуссерля (*Ibidem*).

новы гуссерлевского учения», — скрыв, впрочем, это от Гуссерля, который «в своей блистательной наивности» этого не заметил⁷. «Я знаю мотивы Финка и не сужу его», — осуждающим тоном пишет Ван Бреда в издательство *Aubier*. Однако, «к несчастью, эта рукопись [«Шестая медитация»] имеет хождение в качестве аутентичного текста Гуссерля»⁸.

Предупреждения Ван Бреды не были услышаны: не только Мерло-Понти в предисловии к «Феноменологии восприятия» пользуется словами Финка для того, чтобы предложить читателю «самую лучшую формулировку редукции»⁹, не только Сартр в «Трансцендентности Эго» излагает рефлексивное расщепление «Я» в редукции «по Финку», но и почти через 60 лет после первой публикации Мишель Анри цитирует «Основную проблему феноменологии Гуссерля» как текст, в котором выражена сама суть «исторической феноменологии». Применима ли теория интенциональности — теория, построенная на примере дескрипции предмета, — для описания других, более сложных форм опыта, в частности того опыта самовосприятия и самоотнесенности, которые всегда предполагаются простым опытом чувственного восприятия и в определенном смысле лежат в его основе? Вот тот вопрос, которым задается Анри. Он подвергает критике то же, что и Финк, — ограничение каким-то одним представлением о данном, использование протяженной вещи в качестве основной модели феноменализации, приравнивание интенциональной дескрипции к «отображению» или даже «инвентаризации» данного, о которых идет речь в «Элементах» (6, 12, 13, 16 и особенно 41). Обращаясь к «ортодоксальному» тексту Финка, Анри использует и резкость финковских формулировок, и сомнение, прорывающееся в них, чтобы опровергнуть «феноменологию Гуссерля и Финка»¹⁰.

7. Письмо отца Германа Ван Бреды Морису Мерло-Понти, цит. по: *Van Kerckhoven G. Le phénomène phénoménologique et la question de l'être // Phénoménologie, cosmologie, anthropologie, métaphysique: Eugen Fink / N. Depraz, M. Richir (éd.). Amsterdam: Rodopi, 1997. P. 77.*

8. Письмо отца Германа Ван Бреды в издательство *Aubier* от 17.12.1945 (*Ibid.*).

9. О том, насколько глубоким было влияние Финка на Мерло-Понти, см. спор между Рональдом Брузиной и Брайаном Смитом: *Bruzina R. Eugen Fink and Merleau-Ponty. The Philosophical Lineage in Phenomenology // Merleau-Ponty's Reading of Husserl / T. Toadvine, L. Embree (ed.). L.: Kluwer Academic. 2002. P. 173–200; Smyth B. The Meontic and the Militant: On Merleau-Ponty's Relation to Fink // International Journal of Philosophical Studies. 2011. № 19 (5). P. 669–699.*

10. *Анри М. Неинтенциональная феноменология: задача феноменологии будущего // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее*

Французские феноменологи предпочитают цитировать не самого Гуссерля, а якобы транслирующего его позицию Финка, потому что в опубликованных работах Финка тридцатых годов уже присутствует неявная проблематизация гуссерлевской философии. В них уже подразумевается та критика, которую мы видим в «Элементах». С одной стороны, эта проблематизация облегчает им вечную задачу философского «отцеубийства», а с другой стороны, французская феноменология до известной степени оказалась в неосознанном плену у финковской феноменологии: действительно, французская феноменология — в соответствии с философскими мечтами Финка — представляет собой не столько гуссерлевскую феноменологию, сколько феноменологию трех *H* (*Husserl, Hegel, Heidegger*), в которой уже нет места гуссерлианским дескрипциям непосредственного данного в созерцании. Новое представление о дескрипции предполагает историчность смысла и историчность субъекта, который служит своего рода медиумом, средой феноменализации для того, что иначе явлено быть не может. В свою очередь понятие данности расширяется таким образом, чтобы включить герменевтическую суггестию всех возможных смыслов.

Хорошо известно, что в своем отношении к Гуссерлю Финк проявил исключительный уровень личной порядочности, который дорого ему стоил. Действительно, его личная верность Гуссерлю-человеку была «абсолютной»¹¹, но в философском отношении Финк «Элементов» — явный «еретик» от феноменологии¹². Другую точку зрения мы встречаем у Марка Ришира, который противопоставляет «дурную» верность букве учения «хорошей», «феномено-

пределами / Сост. С. Шолохова, А. Ямпольская. М.: Академический проект, 2014. С. 48.

11. *Bruzina R.* Edmund Husserl and Eugen Fink. P. 44. Оставшись ассистентом Гуссерля, Финк полностью пожертвовал всякой возможностью университетской карьеры; его решение опубликовать в *Kant-Studien* статью о «неарийском» философе привело к скандалу, в результате которого он лишился финансовой поддержки *Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft*, своего единственного источника существования. Недаром умирающий Гуссерль сказал, что «для меня величайшим феноменом феноменологии является Финк» (цит. по: *Ibid.* P. 69).
12. «Феноменология в значительной степени состоит из истории гуссерлианских ересей. Сама структура наследия учителя предполагает отсутствие гуссерлевской ортодоксии», — сказал Поль Рикёр еще в 1953 году (*Ricœur P.* *A l'école de la phénoménologie.* P.: Vrin, 2004 [1953]. P. 182). Финк в «Элементах» объясняет эту подвижность гуссерлевской философии разнородностью ее источников (56).

логической» верности, состоящей в определенной «манере» ставить проблемы, в определенном «внимании... к феноменам в их феноменальности»¹³. Но можно поставить вопрос и по-другому: насколько это классическое противопоставление «духа» и «буквы» является для истории феноменологии плодотворным? Дело ведь не в том, был ли Финк в каком бы то ни было смысле «верен» Гуссерлю, а в том, насколько его философская работа открывает *нам* глаза, дает *нам* новый, лучший способ заниматься феноменологией и феноменологической философией. В одном из писем «драгоценному другу, милому Евгению» Ян Паточка пишет, что Финк был верен «самим вещам»¹⁴. Это, мне кажется, гораздо существеннее.

13. *Richir M.* Temps, espace et monde chez le jeune Fink // *Phénoménologie, cosmologie, anthropologie, métaphysique: Eugen Fink / N. Depraz, M. Richir (éd.)*. Amsterdam: Rodopi, 1997. P. 40.

14. *Eugen Fink und Jan Patočka: Briefe und Dokumente: 1933–1977 / M. Heitz, B. Nessler (Hg.)*. Freiburg i.B.: K. Alber, 1999. S. 75 (письмо от 06.12.1970).